

Николай Бердяев

**ТРАГЕДИЯ
И
ОБЫДЕННОСТЬ**

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Трагедия и обыденность / Н. Бердяев. – М. : T8RUGRAM,
2018. – 100 с.

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

В книге «Трагедия и обыденность» представлены известные статьи и очерки Бердяева, развивающие философскую тему истины, свободы и религии. Написанная простым, но образным языком, данная книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС НР
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

Трагедия и обыденность	5
Вселенскость и конфессионализм.....	49
О фанатизме, ортодоксии и истине.....	73

ТРАГЕДИЯ И ОБЫДЕННОСТЬ

У нас остались живые, которые своим существованием смущали и продолжают нас смущать еще более, чем погребенные, согласно учению, мертвецы. У нас остались все, не имеющие земных надежд, все отчаявшиеся, все обезумевшие от ужасов жизни. Что делать с ними? Кто возьмет на себя нечеловеческую обязанность зарыть в землю этих?..

Сократ, Платон, добро, гуманность, идеи — весь сонм прежних ангелов и святых, оберегавших невинную человеческую душу от нападений злых демонов скептицизма и пессимизма, бесследно исчезает в пространстве, и человек перед лицом своих ужаснейших врагов впервые в жизни испытывает то страшное одиночество, из которого его не в силах вывести ни одно самое преданное и любящее сердце Здесь — то и начинается философия трагедии...

Сама совесть взяла на себя дело зла!..

Весь мир и один человек столкнулись меж собой, и оказалось, что эти две силы равной величины...

Уважать великое безобразие, великое несчастье, великую неудачу! Это последнее слово философии трагедии.

Трудно писать на эту тему, такую интимную, такую далекую от всякой злобы дня, от общих интересов момента. Но мы будем отстаивать свое право писать об интересном и важном хотя бы для немногих. Я ничего не буду говорить о политике, которая так поглощает

сейчас наши интересы, и трудно будет связать наши неискоренимые, стихийные политические страсти нашу политическую ненависть и наши политические мечты с философией трагедии. Для меня ясно, что, помимо наших теорий, помимо наших самых роковых сомнений, наша политика опирается на кровные чувства: мы не выносим скверного запаха насильственной государственности, стихийно, сверхразумно любим свободу, благоговеем перед чувством чести, связанным с борьбой за право. О, мы можем не верить в устроенное и счастливое человечество и даже не желать его, весь механизм политической борьбы, слагающийся из таких мелочей, может вызывать в нас щемящую скуку, и давно уже могли у нас разорваться все нити, прикрепляющие к религии прогресса и человечества во всех ее видах и формах, и все же нутро наше перевернется, когда настанет острая минута. К политической злобе дня повернется глубочайшая, коренная стихия, почти трансцендентные чувства наши. И перед ясностью нашей ненависти к дурному запаху реакционерства, насилия, предательства, эксплуатации, перед кристаллической чистотой возмущившейся чести отступает все проблематическое, подпольное, все роковые сомнения в ценности обыденного и элементарного. И в нашем отношении к «минуте» чувствуется как будто бы твердая, незыблемая почва и какая-то таинственная связь ее с «вечностью». Мы можем усомниться и в добре, и в прогрессе, и в науке, и в Боге, и во всем возвышенном и ценном, можем усомниться в существовании своем и других людей, но для нас остается несомненною

ТРАГЕДИЯ И ОБЫДЕННОСТЬ

гнуемость предательства, мы продолжаем не выносить смрада «Московских Ведомостей», мы по-прежнему ненавидим полицейское насилие и наша жажда свободы остается неутолимой. Политические страсти имеют трансцендентные корни в человеческой природе, и наше отношение к «минуте» ими гарантируется. И все же нас давят, как кошмар, все эти «злобы дня», эта чудовищная власть «минуты», это попираание прав на абсолютную свободу и творчество во имя прав на свободу относительную. Тут мы встречаемся с каким-то двойным реакционерством и двойным насилием и роковым образом раздираемся. Под страхом смерти мы должны стряхнуть с себя уже невыносимое насилие, нас стихийно тянет к борьбе в «минуте», и вместе с тем мы восстаем против насилия всей техники политической борьбы, всех мелочных и властолюбивых ее методов над окончательной свободой нашего творчества, над нашим правом на «вечность». В психологии и метафизике политической борьбы и политических страстей с этой постоянной подменой «целей» «средствами» есть еще много неразгаданного и почти таинственного. Кошмар, о котором мы говорим, являлся во все революционные эпохи и давил сложных, ощущающих права на вечность людей. Эта двойственность непреодолима и трагична, но она все же оставляет незбылемыми наши первичные, элементарные политические чувства и желания.

Человеческая культура двойственна в корне своем, но никогда еще эта двойственность не была такой обо-

стренной, трагичной и угрожающей, как в нашу эпоху. На поверхности современной культуры все более или менее сглажено, все мало-помалу устраивается, идет здоровая жизненная борьба и делается прогресс. Конечно, культура современного общества создается «противоречиями», которые видны даже невооруженному глазу, противоречиями между пролетариатом и буржуазией, между прогрессом и реакцией, между позитивной наукой и идеалистической философией, в конце концов между некоторым «добром» и некоторым «злом». Но ведь в «противоречиях» этих нет еще ничего трагического, это импульсы к борьбе, так жизнь кипит сильнее.

Такова большая дорога истории. На ней устраивается общественное человечество, идет по ней к грядущему счастью. На Дороге этой все утоптанно, несмотря на «противоречия», на все видимые ужасы и страдания жизни. Пристроиться на «большой дороге», прилепиться к чему-нибудь признанному на ней за ценность — и значит найти себе место в жизни и поместить себя в пределах обыденного и универсального «добра» и «зла». И тот человек, который нашел свою родину на большом историческом пути, временно застраховал себя от провала в трагедию. О том, что происходит в глубине, в подземном царстве, о самом интимном и важном, мало говорят на поверхности современной земляной культуры или говорят в слишком уж отвлеченном, обобщенном и сглаженном, для «исторических» целей приспособленном виде.

ТРАГЕДИЯ И ОБЫДЕННОСТЬ

Но подземные ручейки начинают пробиваться и выносят то, что накопело в подполье, А в подполье во-
гнала современная культура трагические проблемы
жизни; там с небывалой остротой была поставлена
проблема индивидуальности, — индивидуальной чело-
веческой судьбы, там развился болезненный индиви-
дуализм, и само «добро» было призвано к ответу за
трагическую гибель отдельного, одинокого человече-
ского «я». В подполье развилось небывалое одиноче-
ство, оторванность от мира и противоположность
одного человека миру. Эта подпольная работа сказа-
лась в современной культуре, в декадансе, в декадент-
стве, которое представляет очень глубокое явление и
не может быть сведено лишь на новейшие течения в
искусстве. Сложный, утонченный человек нашей куль-
туры не может вынести этого раздвоения, он требует,
чтобы универсальный исторический процесс поставил
в центре его интимную индивидуальную трагедию и
проклиная добро, прогресс, знание и т.п. признанные
блага, если они не хотят посчитаться с его загубленной
жизнью, погибшими надеждами, трагическим ужасом
его судьбы. В Европе появился Ницше, у нас Достоев-
ский, и это было настоящей революцией, не во внеш-
нем политическом смысле этого слова, а в самом глу-
боком, внутреннем.

Человек пережил новый опыт, небывалый, потерял
почву, провалился, и философия трагедии должна этот
опыт обработать. Трагедия индивидуальной судьбы
бывала во все времена, она сопутствует всякой жизни,
но углубленный опыт, небывалые еще по тонкости и

сложности переживания обострили и по-новому поставили проблему индивидуальности. История знает грандиозную попытку решить вопрос о судьбе индивидуальной человеческой души, найти исход из трагедии — религию Христа. Христианство признало абсолютное значение индивидуальной человеческой души и трансцендентный смысл ее судьбы. Это — религия трагедии, и до сих пор она властвует над душами, сознательно или бессознательно. Но попытки разрешить с ее помощью современную трагедию, спасти подпольного человека, — декадента, называют уже нео-христианством. И современный христианский ренессанс испытывает судьбу всякого другого ренессанса: былым, некогда великим, прикрывается новое творчество, новые искания. А трагедия подпольности пишет свою философию.

«Вопрос: имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью, т. е. возможна ли философия трагедии?»

Все это введение, а теперь перехожу к А. Шестову, о котором давно уже нужно писать. Я считаю глубокой несправедливостью игнорирование работ Шестова, и объясняю это только тем, что темы Шестова и способ их разработки для большой дороги истории не нужны, это подземные ручейки, заметные и нужные лишь для немногих. Устроившийся в своем мирозерцании «позитивист» или «идеалист», скрепивший себя с универсальной жизнью, только пожимает плечами и недоумевает, зачем это Шестов поднимает ненужную